

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ПОНЕДЕЛЬНИК

7.45

— Мальчик.

Кто-то дотрагивался до моего лица и булькал: «Мальчик, мальчик». Я открыла глаза, увидела рядом красивое животное. Морской конек? Схватила конька за шею, тот закружил меня в водовороте, попросил: «Отпусти». Никуда я его не отпущу — у него мужское лицо: зеленые глаза, изогнутые губы, к которым я потянулась за поцелуем. Но мужчина-конек вырвался, начал хватать ртом воздух, задышаться, бить хвостом, поволок за собой, тряхнул.

И уже не он, а Ника трясла меня за плечи. Ее лицо некрасиво скривилось от рыданий.

— Мальчик... Повестка.

— Что?

Я села, еще не совсем соображая, о чем она говорит.

— Пришла повестка.

— Когда?

— У нас будет мальчик, — сказала она и закрыла лицо руками. — Ну за что? Почему со мной всегда так?

Она ткнулась лицом мне в грудь. Я обняла ее, стала гладить по всклокоченным коротким волосам. Телефон валялся на полу, экран еще не погас. Что ж, нам не повезло. Но мы сто раз это обсуждали во всех деталях, до всего договорились. Один шанс из пяти — это много или мало? А Ника так рыдает, будто это гром среди ясного неба.

— Это все из-за меня. Я невезучая. Мне всегда не везет. — Она продолжала всхлипывать.

— Успокойся, родная, пожалуйста.

— Я так и знала, так и знала. Я чувствовала.

Ничего она не чувствовала. Мы обе хотели этого ребенка. Строили планы. Ника придумывала, как декорировать детскую, рисовала эскизы, каждый день меняя воображаемый цвет стен. Придумыва-

Юлия Яковлева, Карина Добротворская

ла имена – Таисса, Николь, Ребекка, Катя. Но оказалось – мальчик. Я почему-то представила старинный лотерейный барабан, который выплевывает шар с роковой буквой У, хотя я прекрасно знаю, что выбор делает компьютер, такой же, впрочем, непредсказуемый, как любая лотерея. Система справедлива, шансы в гендерной лотерее у всех равные, дискриминация исключена, а значит, и убиваться бессмысленно. Вынашивание и рождение мальчика – это важная общественная работа, к тому же она хорошо вознаграждается: зарплатой государственной служащей 14-й категории. Слез у меня не было, хотя хорошо бы сейчас вместе с Никой посетовать на судьбу. Я бы хотела уметь плакать, как она, когда вся боль и обида из тебя выливаются ручьями. Не получается. Когда я последний раз плакала? Даже не помню. Ника увидела мои сухие глаза и надулась, закусила губу.

– Наверное, ты меня больше не любишь, – сказала Ника бесцветным голосом – она всегда говорит таким голосом, когда обижается.

– Не говори ерунды, – ответила я тоже привычно. – Это ведь и мой ребенок тоже. Мне тоже больно. Так же больно, как тебе.

– Не тебе его носить и не тебе его рожать. Не тебя накачивали гормонами и не из тебя выцарапывали яйцеклетку. Я так хотела быть матерью, а не гребаной матрешкой!

– Не надо так, мы же с тобой обо всем договорились. И ты сама так решила. Мне и тебя жалко, и себя жалко, и этого бедного мальчика жалко. Но зачем страдать из-за того, что мы не можем изменить?

– Все равно это ужасно нечестно. Все вокруг рожают девочек, даже те, кто не очень-то и хотел.

– Налог есть налог.

– Как я не люблю, когда ты начинаешь вот так вещать! Как будто человеческая боль тоже подчиняется твоим проклятым законам.

Я снова обняла Нику за плечи:

– У нас еще будет девочка, я тебе обещаю. Все будет. У нас много времени впереди.

– А ты захочешь потом девочку? Мне почти тридцать. А теперь еще носить мальчика. Девять месяцев. Псу под хвост.

– Ну хочешь, я его выношу вместо тебя? Я правда могу... Можно попробовать подать заявку на пересмотр.

Мужчина Апреля

– Ну да. Еще теперь в декрет уйди. Твоя подружка Лена и так тебя давно обскакала.

Сменила тему. Хороший знак!

– Да брось. Лена славная. Просто у нее – своя работа, а у меня – своя.

– Лена – сука и карьеристка. Они тоже славные бывают.

– Тебе видней.

– Мне видней... Ты все-таки очень наивная.

Главное, Ника постепенно успокаивалась.

– Выношу я этого мальчика, куда я денусь... Матрешка. Почему они это так мерзко называют? Специально? Чтобы людям на нервы действовать?

Я ошиблась: она снова начала заводиться. Но я не позволила:

– Думаю, наоборот. Чтобы люди проще к этому относились. Матрешка – это же смешно. Чувства ни при чем. Просто дело. Поручение. Надо же их где-то брать, этих мальчиков.

– Почему их в искусственной матке не вынашивают?! Раз об этом столько говорят?

– Я не знаю.

Она помолчала.

– Я скоро буду толстая, уродливая... Лео вот уродливым не будет.

– К Лео ревновать – это уж последнее дело.

Раз Ника начала песню про Лео, значит, переключилась со своего мальчика на моего.

– Для тебя все смешно, не важно и не относится к чувствам?

Можно даже не слушать, что она там говорит. Главное, со всем соглашаться и просить прощения.

– Ты права, дорогая. Прости меня, пожалуйста.

Сработало и в этот раз. За завтраком Ника была уже в порядке, хотя и сидела за столом надутая, позволяя за собой ухаживать, как будто она – уже беременная и госслужащая одновременно. Как все, кто вынашивает мальчиков.

– И зарплата. Куча денег! – напомнила я. – Ты уже посчитала сколько?

Ника получает базовый доход, это значит – часто меняет профессии. Какая сейчас требуется на рынке труда, на такую и меняет, от нее это не зависит. Но на двенадцать месяцев – беременность и постродовая реабилитация – у нее будет контракт государ-

Юлия Яковлева, Карина Добротворская

ственной служащей. Зарплата! Настоящая зарплата. Денег больше, а главное, это другие деньги – государственные, более престижные.

Лицо ее прояснилось.

Она подвинула к себе телефон, стала искать информацию по-конкретнее.

Я сварила кофейный цикорий со вкусом корицы, достала свой и Никин протеиновые коктейли, булочки. Отсканировала все своим телефоном. Протянула руку:

– Дай свой телефон.

– Угу. – Ника не слышала, погрузившись в упоительный мир тарифных сеток.

Я вытянула телефон у нее из рук. Открыла приложение. Сканер пискнул: протеиновый коктейль, протеиновая булочка. На экране замигала красная точка. Булочку пришлось убрать. У Ники перебор. После выходных – обычное дело.

Я сунула ей телефон обратно.

– А булочка?

– Сорри.

Ника надулась. Отпила коктейль, поморщилась:

– Клубничный? Я же хотела апельсиновый, я этот клубничный уже видеть не могу! Неужели трудно заменить?!

Ника в своих вкусовых пристрастиях так непостоянна, что никакая нутри-доставка за ней не поспевает.

– Хочешь, возьми мой. Ванильный.

– Не все, как ты, пьют одно и то же с двенадцати лет, – буркнула она.

– Мне нравится ванильный. Зачем менять то, что нравится?

– Дай мне свою булку. Я же все равно сегодня дома.

– И?

– На взвешивание не налечу.

С Никой всегда так: как только начинает нервничать, сразу переедает, перебирает норму и из-за этого нервничает еще больше. В другой день я бы с ней повоевала, но сегодня молча протянула свою булочку.

– Учти только, что сегодня вечером – гости, – напомнила я.

– Только Веры мне сейчас не хватало, – зло сказала Ника с набитым ртом. – Опять начнет учить меня жить.

– Я к тому, что притормози с калориями.

Мужчина Апреля

– У Гастро-Марка все легкое. Овощи, пароварка. Во сколько он сегодня? В шесть?

– Может, все-таки начнешь заполнять календарь? Я не понимаю, как ты без него живешь.

– У меня в отличие от тебя не так много дел, я все помню.

– Да? А почему с нас в четверг сняли баллы? Ты театр забыла вписать?

У Ники глаза стали круглые и беспомощные.

– Блин, и правда. Забыла. Прости меня, пожалуйста. Голова дырявая...

– Гастро-Марк в шесть. – Я чмокнула Нику в плечо. – Тогда скажем Вере – в семь? Ты к семи готовить закончишь?

Ника кивнула:

– Господи, я же с этим мальчиком стану как бочка... Никакая пароварка не спасет. – У Ники снова глаза наполнились слезами.

Но мне уже надоело. Я все понимаю: Ника на сильных гормонах, это действует на нервную систему. Выемка яйцеклетки уже прошла, впереди – подсадка, а тут – повестка: вам подсадят мужской эмбрион. Это как врезаться на полном ходу в забор. Ужасно, конечно. Но я же поддержала, успокоила. Ну правда, сколько можно? Хорошо бы бабушка позвонила – она всегда звонит в самое неподходящее время. А вот сейчас было бы в самый раз. Но она еще спит наверняка. Я открыла лэптоп и включила новости.

Ника тут же напряглась:

– Что ты делаешь?

Я? Помогаю Никиному эмоциональному балансу, как нам советовала семейный терапевт. «Не давайте ей уходить в штопор собственных эмоций», «демонстрируйте понимание», «демонстрируйте поддержку». Я демонстрирую? Демонстрирую. Хотя, не скрою, иногда хотелось бы испытывать эти эмоции на самом деле. Но ведь семейная жизнь – это труд, правда?

– Новости смотрю.

Лицо у нашего премьер-министра Татьяны было доброжелательно-спокойным. Мне симпатичны такие лица: в них есть что-то материнское. Премьер к тому же умела улыбаться одними глазами – и сейчас это делала. Камера отъехала. Профессионально-оживленная ведущая обратилась к ее сопернице по дебатам – министру гендерной интеграции:

Юлия Яковлева, Карина Добротворская

— Грета, что вы скажете? Это же ваша тема. Вынашивание в искусственной матке кажется мне довольно важным пунктом в вопросе гендерного баланса.

— Я так не думаю.

Камера взяла лицо министра интеграции крупным планом. Лицо красивое — и неуловимо отталкивающее: правильное, как маска, прямые волосы до плеч, тонкие губы.

Ника жевала мою булку. То ли поняла, что наш разговор окончен, то ли успокоилась и тоже уставилась на политиков.

— Нет? — подняла брови ведущая. — Но разве не логично, что, как только все женщины передоверят вынашивание детей аппарату искусственной матки, это станет последним шагом к тому, что...

Грета резко перебила:

— Что женский пол как биологическая данность потеряет всякий смысл?

Премьер-министр слегка ухмыльнулась. Как бы показывая потенциальным избирателям: ну-ну.

— Странно слышать это от министра, задачей которого является гендерная интеграция, — сказала ведущая. — Отчуждая от женщин материнство, мы упраздняем понятие «женщина».

— А что это понятие нам дает? — вмешалась премьер. — Сужает? Да. Ограничивает? Да. Мы — просто люди. Если министр гендерной интеграции с этим не согласна, то мой следующий вопрос: что такое гендерный баланс в ее понимании?

Я усмехнулась: попробуй поспорь с этим.

— Мы все — люди. Но и мужчины пока еще существуют. Нельзя отказывать женщине в праве быть женщиной, признавать и принимать все, что за этим стоит, включая физиологию и психологию, — сказала Грета.

Татьяна покачала головой:

— Я думала, что гендерная интеграция...

Но Грета не дала ей вставить слово:

— Безусловно, наш уровень медицины и здравоохранения позволяет сделать вынашивание в искусственной матке всеобщим. Но хотим ли мы передавать беременность аппарату? Особенно если нет показаний по здоровью женщины? Не говорим ли мы тем самым, что чисто женский опыт материнства не важен и не нужен?

Мужчина Апреля

— Быть беременной и быть матерью — это разные... — опять попробовала вклиниться премьер-министр. И опять не смогла.

Грета продолжала наступать:

— Отчуждать от женщин материнство — значит, обеднять их эмоциональный мир. Считать их природу, их пол биологической ошибкой. Забота об эмоциональном мире граждан, если я не ошибаюсь, определена в нашей конституции как приоритетная обязанность государства.

— Вот сволочь! — Ника ткнула в экран огрызком булки.

— Кто из двоих?

— Кто, кто... Грета, конечно! Вот бы и вынашивала тогда сама всех этих сраных мальчиков! — Ника захлопнула крышку ноутбука.

— Ты что? — возмутилась я. — Я хочу досмотреть.

— Вредно смотреть за едой, — огрызнулась Ника. — За едой надо жевать и выделять желудочный сок.

— Я не жую. Я пью. Твое здоровье. — Я подняла стакан с остатками протеинового коктейля.

Ника фыркнула. Но не выдержала и улыбнулась.

Мой телефон звякнул. Ника успела бросить взгляд на экран, и улыбка ее замерзла: Лео.

— Это Лео, — сказала я, чтобы подчеркнуть: ничего особенного.

— Он каждый день тебя достает. У него что, других клиенток нет?

Я посмотрела на Нику. Она была раздражена. Но и права тоже. Лео строчил или звонил каждый день. Маялся. Нервничал. Но почему? Я открыла сообщение. «Привет, зая! У меня сегодня отменилась Тамара, может, придешь? Выбрал классный фильм, посмотрим».

Я начала печатать: «Сегодня не могу, ждем гостей». Нет. Суховато. Сперва Тамара отказалась, теперь я, он точно психанет. Стерла. Написала: «Завтра все по плану. Сегодня хотела бы, но придут гости». Вставила блюющий зеленый смайлик. Ответ звякнул тут же: «Понял. Утащи мне что-нибудь вкусненькое со стола. Не забудь». Я ответила стикером: жирное брюхо. Лео был сладкоежкой и всех своих женщин разводил на «вкусненькое». Мы его разбаловали, конечно. Но любя! Я отправила Лео еще один видеотик с куском торта и сердечком. Ника сделала кислую мину:

— Тебе с ним явно веселее.

Я отложила телефон:

Юлия Яковлева, Карина Добротворская

– Все, пора бежать.

Поцеловала ее в щеку и пошла в прихожую. Ника увязалась следом. Я села на обувную полку, стала натягивать сапоги. Ника прислонилась к стене, скрестила руки, смотрела, как я обуваюсь. Я подняла голову:

– А у тебя учеба во сколько?

– У меня сегодня онлайн-классы.

Я кивнула:

– Интересные?

Ника закатила глаза:

– Кройка. Жуткое занудство. Отложите три миллиметра сюда. Прочертите прямую линию. Вытачка сюда...

– Вот дерьмо! – Я подняла левый сапог: подошва отвалилась и была похожа на челюсть. Просит каши, как говорилось в старину.

Ника взяла сапог, брови сдвинулись. Она не расстроилась, а сразу стала искать выход. Ника любит работать руками, этого у нее не отнять. Обидно, что ее отфутболивают туда-сюда, с одной работы на другую. Она давно получила «полное социальное восстановление». Казалось бы, проехали, страница перевернута. Но нет. Для всех работодателей Ника, похоже, навсегда останется человеком «с судимостью». Я смотрела на нее. На идиотский сапог в ее руках. И понимала, что никогда не смогу от нее уйти. Можно выбросить треснувшую тарелку. Или разорванный сапог. А с людьми так нельзя. Нельзя – и точка.

– Заклеить, я думаю, можно, – сказала она.

– Только на работу мне надо прямо сейчас.

Я встала, подняла крышку обувного ящика, стала перебирать коробки с обувью. Увы, у нас с Никой разный размер.

– Я попробую починить, – сказала Ника сапогам. – Если клей не возьмет, прошью. Или схожу в мастерскую, пусть чинят. Сапоги еще вполне ничего. – Она придиричиво их оглядела, потерла рукавом голенище. И неожиданно добавила: – Задолбало только все это ужасно.

Я вытащила туфли.

– Ну тогда не носи. – Втиснула ноги в туфли, потопала. Слегка тесные и сухие после зимовки.

– А тебя не задолбало?

Мужчина Апреля

Еще один бессмысленный диалог, который повторяется регулярно: Ника ноет, что невозможно, когда у тебя всего одни повседневные туфли — коричневые. А я в ответ начинаю нудеть: а сколько тебе надо пар туфель — пять? У тебя ж не десять ног. У всех по одной повседневной удобной паре и по одной нарядной — правила для всех одинаковые. А она: я — не все. А я: ты сама выбрала коричневые. Или: а что, лучше как раньше, когда вся планета завалена горами выброшенного барахла? На что Ника обычно поджимает губы: «Я не про планету говорю, а про наш собственный шкаф». Или демонстративно хлопает дверью.

Повторять все это мне сейчас не хотелось. И я просто ответила:

— Нет, меня не задолбало.

Ника осеклась. Вздохнула. Сказала уже миролюбиво:

— Слушай, не простыла бы. В туфлях. Там дубак.

— Апрель! — возразила я.

— Первое апреля, — уточнила Ника.

Обычно уточнять приходится мне. Я улыбнулась:

— Ладно. Тогда велик отменяется. Поеду на трамвае. Чтобы не простыть.

Ника постучала сапогом о сапог. Лицо деловое, почти счастливое. Наконец она может что-то проконтролировать, сделать, завершить. Пусть это всего лишь и подошва.

— Опаздываю — жутко! — Я схватила сумку, намотала шарф.

Ника рассеянно ответила на мой поцелуй: сапоги она прижимала к груди, а мыслями была уже в процессе починки.

8.50

Я спустилась по лестнице с нашего четвертого этажа. Все-таки хорошо, что лифты давно отменили (кроме тех, что в министерских высотках). Как говорит моя бабушка, с тех пор задницы стали меньше — ей, конечно, видней. Я не застала мир с лифтами и эскалаторами повсюду.

Мы с Никой надеялись, что, когда родим ребенка, сможем подать заявку на переезд в таунхаус. У семей с детьми — приоритет на получение личного маленького садика. Это, конечно, мечта. Но нам выпал мальчик. Значит, пока не судьба, продолжим бегать вверх-вниз по лестнице.

Юлия Яковлева, Карина Добротворская

Туфли уже слегка размягчились по ноге, а я шла и все оттачивала реплики, которые могла бы бросить Нике.

Ну и что, что одни туфли. Ну и что, что коричневые. Главное, они были целые и не жали. Порвутся – отремонтирую, а если нельзя уже будет отремонтировать, сдам в утиль и куплю новые. Что тут плохого? Когда случилась катастрофа, вернее, когда ее удалось обуздать и надо было решать, как жить дальше, раз уж старый мир рухнул, была принята Декларация достаточного комфорта. Уровень жизни 2024 года взяли за основу с некоторыми, конечно, поправками. Смысл ее прост: хватит! Хватит давиться едой, вещами, мусором. Достаточно – это значит, что человеку уже хорошо, но еще не вредит экологии. Декларация достаточного комфорта была чуть ли не первым документом нового правительства. У нее сначала было много противниц, но и они заткнулись, когда исчезли последние мусорные свалки. Концепция себя оправдала в действии. Декларацию теперь проходят в школе, и оспаривать ее сейчас может только человек, склонный к истерикам и преувеличениям. Такой, как Ника.

Одна пара повседневных туфель – это и есть достаточный комфорт. А мобильный телефон – необходимость.

Мимо проехал трамвай, я не успела заметить номер. Трамваи необходимы тоже. А вот автомобили – нет, даже электрические, потому что электромагнитное загрязнение ничуть не лучше выхлопных газов.

У меня есть много чего сказать Нике. Но когда у нее на лице появляется эта кислая мина, я сжимаюсь. Мне сбежать хочется, а не говорить.

На ходу я вынула телефон, чтобы проверить время: кажется, всерьез опаздываю. Резкий хлопок в ладоши прямо у лица чуть не заставил меня подпрыгнуть. Незнакомая женщина засмеялась:

– Не смотрите в телефон на ходу.

Я ответила улыбкой, бросила телефон в сумку.

Мимо шелестели велосипеды. В это время все едут на работу. Или идут. В черно-бело-серо-бежевой толпе иногда весело мелькали неоновно-желтые мешковатые комбинезоны мужчин. Их зеркальные стекла-маски и черные шланги блестели на солнце. Встречные прохожие то и дело невольно смотрели на мои ноги. На туфли. И каждая наверняка думала: эх, дура я, надо было и мне

Мужчина Апреля

туфли надеть. Не так уж холодно. Ногам было легко. И прохладно. Как же приятно после зимы с ее ботинками и сапогами вот так шагать! Чувствовать неровности тротуара. Холодок воздуха. Слепящее солнце. На голых деревьях уже набухли почки. Скоро все подернется зеленым пухом. А потом уже и не разглядеть будет домов за листвой. Москва прекрасна весной. Я пристроилась в хвост очереди на трамвайной остановке. Экран-стена замерцал голубым, надпись сообщила: «Ожидание — шесть минут» — и осыпалась. Брызнули розовые сердечки. Такой пронзительный цвет, что все в очереди повернули голову.

Мужчина Апреля, пообещал экран.

Лицо.

— Ну и тип, — заметила женщина впереди меня. Лица не видно, только затылок с седоватым каре, но голос противный, резкий.

— Станный, — с готовностью отозвалась другая, сзади.

Согласна. Как будто я уже где-то видела это длинное тонкое лицо, острые скулы, впалые щеки, подбородок с ямочкой. Не похож на привычных жизнерадостных весенних календарных мужчин. Смотрит исподлобья, чуть хмуро из-под упавших на лоб длинных темных кудрей. Одет не в привычную черную учительскую униформу, а в белую рубашку, расстегнутую на груди. Портрет черно-белый, в ретростиле, непонятно, какого цвета у него глаза, видно только, что светлые. Наверное, серые или голубые. Теперь мы целый месяц повсюду будем видеть это лицо, оно станет частью пейзажа, мы постепенно перестанем его замечать. А пока у него есть имя, профессия, возраст. «Том, учитель, 19 лет», — сообщает постер.

— Опять учитель. Уже третий раз за год.

Календари — это всеобщее ежемесячное развлечение. У каждой есть мнение, как надо, как не надо. Кого отбирать. Кого — нет. Все замечено, принято к сведению. Сколько было блондинов, сколько брюнетов — все посчитано.

— Мне Январь понравился. Кузнец. Фартук, мышцы, огонь. Вот это я понимаю. А тут — щуплый... Мальчишка. Скоро что, совсем детей ставить начнут?.. Я голосовала за другого, вот тот был настоящий викинг — блондин с вот такой бородой... — не унималась женщина, которая начала дискуссию — та самая, с противным голосом. Все горячо включились в разговор и реплики посыпались одна за другой.

— Зачем только сообщать имя и все остальное?